

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Общий очерк боевых действий Балтийского флота в 1915—17 г.г.

А. Кампания 1915 г.

Начало кампании 1915 г. Начало 1915 г. совпадает с планами русского верховного командования о переходе в генеральное наступление в Галиции и В. Пруссии.

Сообразно этому, ответственное значение должны были получить действия фланговых групп армии, при наступлении их в прибрежном Балтийском районе.

От флота требовалась поддержка и обеспечение со стороны моря.

Однако, возможности русского флота, в этом отношении, были весьма ограничены, так как фланг русского фронта выходил в южной части моря, где господствовали морские силы противника и вдали от русских баз.

Соображения адмирала Эссена о действиях флота в связи с намечавшимся наступлением армии исходили из предположения, что главной его задачей остается оборона Финского залива и столицы со стороны моря, что, поэтому, операции по обеспечению фланга армии являются второстепенными, развитие которых не должно идти в ущерб вышеупомянутой главной задаче.

Вследствие ограниченности материальных средств и безусловного превосходства в них на стороне противника, операции наших морских сил в указанном районе могли быть только периодическими, разделенными более или менее продолжительными промежутками времени, избегая решительного столкновения с неприятельским флотом.

Таковыми могли быть:

а) заградительные операции по минированию южного района Балтийского моря и подходов к Мемелю, Данцигу и Пиллау,

б) операции по заграждению входов в германские порты,

в) постоянные дежурства подводных лодок у неприятельских берегов.

В отношении этих типов операций, Эссен считал, что минирование неприятельских вод, будучи привычным для флота, являлось ему вполне посильным; что дежурство подводных лодок в качестве постоянной меры неосуществимо, так как для этой задачи пригодны лишь две английских лодки; что же касается операций по затоплению входов на рейды, то они сулили не много шансов на успех, и поставленные препятствия легко могли быть убраны противником.

Таким образом, содействие флота наступлению армии в данной обстановке могло выразиться в операциях, лишь косвенным путем облегчающих ее задачу.

В связи с предполагавшейся атакой Мемеля была разработана в штабе особая операция, предусматривавшая одновременное занятие флотом Куришгафа и содействие отсюда прибрежным частям нашей наступающей армии.

Эти предположения находились еще в периоде разработки, когда, по инициативе местного командования, было предпринято неорганизованное наступление на Мемель по сухому пути, в котором приняли участие второочередные части и морской отряд из Либавы. Мемель был захвачен, но через несколько дней наши деморализовавшиеся части были изгнаны оттуда подоспевшим германским подкреплением.

Флот был скован льдами Финского залива и не мог принять участия в этой операции. Лишь с освобождением моря ото льда он мог начать систематическую деятельность.

Между тем, весенние операции на сухопутном фронте, после ряда понесенных неудач, совершенно изменили положение, и русское верховное командование было принуждено отказаться от задуманного наступления. Наоборот, обстановка для предстоящего лета складывалась весьма грозной, ввиду обнаруженного немцами стремления к решительным операциям именно на русском фронте.

На море весна 1915 г. началась рядом операций германского флота, имевших тот же смысл, что и в прошлом году—удержать от выступления в открытой части Балтики русский флот, приковать его внимание к Финскому заливу. Бомбардирование Либавы в ответ на Мемельскую операцию, появление германских подводных лодок в районе Аланд, крейсеров—у входа в Финский залив, набег германских миноносцев на Рижский залив, бомбардировка Цереля и пр.—все эти действия не преследовали, повидимому, целей больших, нежели демонстрации.

Однако, вскоре обозначившееся наступление немцев в Курляндии, потеря нами Либавы и угрозы Виндаве, в связи с отходом нашей армии к Риге, заставляли предположить,

что операции германского флота должны будут принять решительный характер. Ясен был и объект этих операций—Рижский залив, получавший теперь исключительное значение, как фланговый район нашего сухопутного фронта. Вход в Рижский залив был фактически беззащитен, не имея никакого берегового и позиционного оборудования. От русского морского командования требовалось принять экстренные меры для его защиты, из коих первой была постановка миноносцами минной дивизии минного заграждения в Ирбене.

Этот момент изменения стратегической обстановки на Балтийском море совпал со скоростистой смертью адмирала Эссена (7 мая 1915 г.).

Новое командование, в лице адмирала Канина, вступившего в должность командующего флотом после смерти Эссена, начало свою деятельность представлением ставке, через главнокомандующего VI армией, о необходимости использования для операций в открытом море дредноутов, в частности линейного корабля „Севастополь“, хотя бы в единственном числе. „Это необходимо“—доносил Канин,—„для поддержания духа в личном составе, которому в огромной массе могут быть непонятны те мотивы, которые обрекают наши лучшие и сильнейшие корабли на оперативное бездействие“...

Приведенные соображения подтверждались указанием, что в связи со вступлением в строй 1-й бригады дредноутов немцы перевели в Балтийское море одну дивизию новых линейных кораблей типа „Кайзер“, вследствие чего и наши операции в море требовали более мощной поддержки.

Но ставка продолжала оставаться на прежней точке зрения о недопустимости риска новыми линейными кораблями, неизменно подтверждая старую директиву—„всеми способами и средствами препятствовать производству высадки в Финском заливе“.

Директива ставки 18 июня 1915 г. гласила: „не допускать проникновения противника к востоку от главной морской (Ревель—Поркаллаудской) позиции“... причем указывалось, что а) корабли 1-й бригады не могут быть использованы для активных целей вне главной морской позиции без особого на то разрешения государя, которое надлежит спрашивать в каждом отдельном случае через главнокомандующего VI армии; б) корабли 2-й бригады линейных кораблей могут быть использованы в качестве стратегического резерва для придания устойчивости при крейсерских или минных операциях в Балтийском море, причем как в расчете самих этих операций, так и при их выполнении, должны быть приняты все меры к тому, чтобы не подвергать эти корабли риску боевой встречи со значительно превосходящими силами противника;

в) прочие суда Балтийского флота могут быть использованы по усмотрению командующего флотом..“

Таким образом, последний, попрежнему, принужден был решать задачу борьбы на море, теперь особенно обострившуюся ввиду наступления немцев в Курляндии, при помощи второстепенных частей флота, не вводя в действие главных его сил.

Первый период деятельности командования адмирала Канина не ознаменован сколько нибудь крупными операциями флота. С 7 мая и по 17 июня 1915 г. имели место лишь частные стычки у Виндавы и Ирбена, усиление минных заграждений в районе у входа в Рижский залив и крейсерство подводных лодок.

Попыткой русского командования перейти к активному образу действий является проект операции набега на Мемель, задача которой была формулирована так: „пользуясь сосредоточением в Киле германского флота перед императорским смотром, совершить внезапное нападение на Мемель, и путем энергичной бомбардировки повлиять на общественное мнение Германии, которое будет на это особенно чутко реагировать, ввиду совпадения указанного выше смотра с активным выступлением нашего флота, считаемого противником совершенно пассивным“.

Задача, преследуемая командованием, следовательно, не являлась продиктованной соображениями, вытекавшими из плана операций флота, и, повидимому, была следствием отсутствия более определенного объекта для проявления активной деятельности, необходимой для поддержания духа на флоте.

В том виде, как она была задумана, эта операция не состоялась, ибо шедший для бомбардировки Мемеля отряд, в составе крейсеров—„Баяна“, „Адм. Макарова“, „Олега“ и „Богатыря“, имея при себе миноносец „Новик“ и поддержку „Рюрика“, встретил 19 июня в густом тумане у о-ва Готланд отряд германских судов, с которыми имел успешный бой. Германские силы состояли из крейсера „Аугсбург“, заградителя „Альбатрос“ и миноносцев—в одной группе, и крейсеров „Роон“, „Бремен“ в другой. В результате боя заградитель „Альбатрос“, сильно поврежденный, принужден был выброситься на Готланд, а в отдельном бою „Рюрика“ с „Рооном“ последний избежал уничтожения лишь ввиду встреченной „Рюриком“ подводной лодки, от которой он должен был уклониться, упустив уже подбитого противника.

Этот частный успех русских крейсеров имел несомненно крупное моральное значение, по существу же—не изменил положения дел на театре, обязав лишь немцев к большей

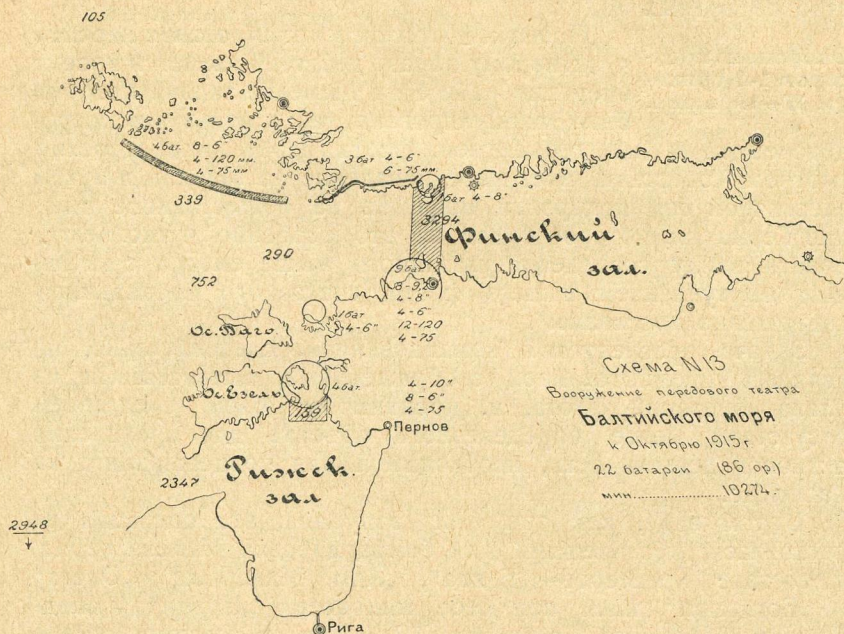

осторожности при посылке слабых отрядов в северную часть Балтики.

Между тем, германское наступление в Курляндии продолжало развиваться. В середине июля русские должны были очистить Виндаву, а фронт армии откатился к Риге.

С этих пор оборона Рижского залива занимает центральное место среди боевых операций на Балтийском море.

Но еще ранее, как только возникли опасения отступления армии, было принято решение об усилении обороны

Рижского залива. Для этой цели, сюда была переведена минная дивизия и отряд канонерских лодок; в Церельском проливе было поставлено заграждение, пока еще слабое. Что касается береговой обороны, то таковая была сосредоточена главным образом для защиты южного входа в Моонзунд и прикрытия маневренной базы русских морских сил в Куйвасто. Церельский же пролив не был охраняем береговыми батареями.

Этих средств было совершенно недостаточно для обороны залива. Вследствие чего 18 июля сюда был введен линейный корабль „Слава“, который придал обороне некоторую устойчивость, хотя бы от второстепенных судов противника.

В основу обороны была положена идея защиты минной позиции в Ирбенском проливе наличными силами. „Слава“, канонерские лодки и миноносцы должны были препятствовать тралению неприятелем минных заграждений и вступить с ним в бой при попытке форсирования Ирбена.

Другой задачей морских сил Рижского залива являлось непосредственное содействие флангу армии в прибрежном районе. Для этой цели миноносцы, канонерские лодки, а в нужный момент и „Слава“, неоднократно обстреливали германские позиции, согласуя свою работу с действиями флангового отряда сухопутных войск. Участок побережья от устья З. Двины и до Шлока, покрываемый огнем судов, благодаря их поддержке, оставался прочно занятым нами в течение всего времени до 1917 г., т.-е. до падения Риги.

27 июля, вскоре после падения Виндавы, сильный германский отряд, в составе 7 линейных кораблей (дредноутского типа), 4 броненосцев береговой обороны, 2 броненосных крейсеров и нескольких легких крейсеров, при значительном количестве миноносцев и тральщиков, подошел ко входу в Рижский залив с намерением его форсировать. Однако, при этом немцы не проявили особой настойчивости. Русские морские силы, со „Славой“ во главе, с успехом препятствовали тралению, и после небольших потерь немцы ушли.

3 августа германский флот в больших силах (в его составе были и дредноуты) появился в северной части Балтийского моря. В то же время отряд их, в составе нескольких линейных кораблей, крейсеров и многочисленных миноносцев, вновь приступил к подготовке прорыва в Рижский залив, прикрывая огнем работу сопровождавших его тральщиков.

Наши силы своевременно сосредоточились к Ирбену. Туманная и тихая погода благоприятствовала неприятельским тральщикам, часто закрывавшимся туманом, вследствие чего стрельба наших судов в это время успешной быть не могла. Но в этот день противник, имея подорванными на минах один крейсер и несколько миноносцев, не был допущен в Рижский залив.

В ночь на 4 августа немцы выслали по протраленному проходу два новых миноносца для атаки „Славы“. Ночью они имели несколько безрезультатных встреч с нашими миноносцами, от которых легко уходили, благодаря большому ходу. Но утром их нагнал „Новик“, от которого они уйти не могли. В происшедшем, умело проведенном „Новиком“, бою один германский миноносец был утоплен, другой, сильно поврежденный, ушел и, повидимому, выбросился на берег.

В течение 4 августа противник неоднократно приступал к тралению Ирбенского заграждения, встречая противодействие со стороны „Славы“ и миноносцев. Однако, сильно сгущавшаяся после полудня мгла совершенно закрывала

неприятеля от наших судов, позволив его тральщикам безопасно тралить.

Считая, что прорыв противника неминуем, и что противустоять на открытой воде его превосходным силам будет невозможно, наши суда, оставив позицию, отошли к Моонзунду для защиты последнего.

Таким образом, немцам удалось прорваться.

В ночь на 5 августа в заливе находились канонерские лодки „Сивуч“ и „Кореец“, вызванные из Риги, где они содействовали войскам, в Моонзунд на соединение с прочими морскими силами. При переходе они были настигнуты германским крейсером, и в происшедшем бою „Сивуч“ был утоплен, „Кореец“ же скрылся в темноте и избежал той же участи. Однако утром, считая себя отрезанным от Моонзунда, командир „Корейца“ сам затопил свой корабль.

6 августа, в течение дня, неприятельские суда крейсеровали в Рижском заливе, обстреляли Аренсбург, подходили ко входу в Моонзунд, обстреливали наши дозорные корабли. 7 августа германский отряд появился в Перновской бухте, введя туда три парохода и заградив ими вход на рейд.

8 августа германские морские силы ушли из Рижского залива, не выполнив дальнейших операций, которые оправдали бы предпринятый и удачно осуществленный ими прорыв.

Отход немцев явился полной неожиданностью для русского командования, имевшего все данные предполагать, что вслед за прорывом противник прочно обоснуется в заливе и будет стремиться сохранить за собой обладание им, чтобы начать решительные операции для поддержки операций германской армии против Моонзунда. Очевидно, германское морское командование недостаточно подготовило и обдумало эту операцию: ворвавшись в залив, их флот оказался без базы и потому—неспособен к длительным действиям. Понеся потери на минах, имея сзади неочищенное минное поле и действующие в море русские подводные лодки, а в заливе и Моонзунде русские миноносцы, немцы не сумели обеспечить возможность продолжения операции и были принуждены ее ликвидировать. Потери их, в общем, были значительны, тем более, что лин. кр. „Мольтке“ в это время был подорван в море английской подводной лодкой (Е—9).

Таким образом, первая крупная попытка германского выступления в Рижском заливе, в конечном счете, результатов не имела, и положение русскими скоро было восстановлено.

С другой стороны, эта же операция показала, насколько слаба защита Рижского залива, оказавшаяся не в состоянии препятствовать противнику из-за туманной погоды, которая затруднила ведение артиллерийского огня и фактически свела к нулю защиту Ирбенской позиции.

Новая попытка командования Балтийским флотом до- биться разре- шения на поль- зование дред- ноутами для операций в от- крытом море. Между тем, еще до описанной операции командование Балтийским флотом опять воз- будило вопрос о разрешении пользоваться новыми линейными кораблями для операций в открытом море.

Этот вопрос вновь встретил возражения в ставке. Об отношении последней к нему мы можем судить из интересного письма начальника военно-морского управления при ставке верховного главнокомандующего на имя начальника штаба Балтийского флота, которому он писал:¹

„...Вероятно, флот в претензии на меня, что я не мог исхлопотать предоставление в распоряжение командующего флотом дредноутов. Лично я вполне уверен, что командующий не подвергнет их напрасному риску, но базироваться на та- кой уверенности здесь не желают и с меня потребовали определенные ответы на следующие вопросы:

1) Есть ли риск для 1-й бригады в случае активных дей- ствий подвергнуться, если не уничтожению, то значительному ослаблению ее боеспособности?

2) В случае вывода из строя временно 1-й бригады, мо- гут ли оставшиеся три корабля („Слава“ не считается) обес- печить в полной мере восточную часть залива?

3) Может ли 1-я бригада, в случае успеха, обеспечить Рижский залив от проникновения туда неприятеля?

„На эти вопросы я, по чистой совести, ответил: на пер- вый—риск есть, на второй—не может, на третий—обеспечить не может, может только задержать“. „Тогда решение оставить дредноуты в резерве было оставлено в силе“.

„Тем не менее, основываясь на телеграмме командующего флотом, где он считает два дредноута и два „Андрея“ до- статочной силой для обороны Финского залива, мне удалось отдать в полное распоряжение командующего флотом один дредноут (считается, что один может выйти из строя по раз- ным причинам).

„Лично думаю, что это может обеспечить командующего флотом при крейсерских операциях, когда инициатива будет с нашей стороны или когда внимание противника будет ослаблено или отвлечено...

„...Наконец, не могу не упомянуть еще об одной воз- можности. Возможно, что неприятель совершит крупную неосторожность и подставит под удар часть своих сил. Если обстановка будет совершенно точно известна командующему флотом и не будет никаких сомнений в возможности устроен- ной неприятелем ловушки, то командующий флотом должен помнить, что победителя не судят, и за нарушение повеле-

¹ Дело морискома № 12802.

ния верховного главнокомандующего при полной удаче он получит только награду...“¹

В то же время Николай II писал морскому министру: „относясь с полным сочувствием и одобрением к стремлениям Балтийского флота выйти к активным операциям, я вынужден, однако, ограничить права командующего флотом в пользовании главными силами, чтобы риском потери их не скомпрометировать главной задачи флота—обороны морских подступов к столице.

„Риск этот значительно уменьшится, когда наши дредноуты получат разведчиков в лице миноносцев типа „Новик“. Скорейшее вступление в строй хотя бы четырех таких миноносцев является вопросом насущной важности...“

Однако, в связи с грозной обстановкой, складывавшейся на Балтийском море вследствие германских операций в Рижском заливе, в конце концов было разрешено использовать для операций в море два дредноута, не спрашивая на то каждый раз разрешения, о чем Канин был извещен Рузским 1 августа.²

После ухода немцев из Рижского залива как агентурные сведения, так и анализ обстановки указывали на вероятность возобновления с их стороны в ближайшем будущем операций в том же направлении. Поэтому первой заботой командования явилось усиление обороны Рижского залива, что вылилось в операцию заграждения подходов к Ирбену со стороны моря, выполненную под прикрытием двух дредноутов.

В дальнейшем, наступление темных осенних ночей открывало возможность под покровом темноты продолжать план больших заграждений в открытом море и у неприятельских берегов, прерванный с зимы 1914—1915 г. Такие заградительные операции были предприняты два раза в средней Балтике, и оба раза с участием дредноутов.

¹ Это письмо чрезвычайно характерно отражает взгляды военно-морского управления, являвшегося докладчиком по морским вопросам в ставке, и взгляды сухопутного штаба ее. Здесь видно, что от флота требовалось гарантировать успех, и оговорки, которыми нестрит заключение этого письма, весьма напоминают приказания наместника Алексея Витгефту. Тот так же каждое свое приказание оговаривал полной уверенностью в благоприятной обстановке, исключая элемент риска. Здесь эти же соображения царят. Снятие с себя ответственности в ответах на категорически поставленные вопросы, а с другой стороны лицемерная игра на честолубие командующего, с советом (конечно, при отсутствии какого бы то ни было риска) послушаться приказания верховного главнокомандующего—является поразительным образчиком безответственных влияний столь крупных работников штаба, каковым был начальник военно-морского управления ставки, адмирал Ненюков, автор этого письма.

² С учреждения Северного сухопутного фронта флот перешел в подчинение к главнокомандующему последним.

Вступление в строй новых подводных лодок дало возможность заградительные операции сочетать с одновременным их использованием в море.

Кроме того, разрабатывались планы по закупорке Винавы, но они остались не осуществленными.

Что касается германского флота, то из осенних его операций следует отметить энергичную деятельность подводных лодок в Финском заливе, заграждение ими северного выхода из Моонзунда (тотчас русскими вытравленного); кроме того, германские суда неоднократно появлялись в виду русских наблюдательных постов, но серьезных операций до конца года ими предпринято не было.

Подводя итог кампании 1915 года на Балтийском море, видим, что теперь обстановка переменилась, и для Балтийского флота намечались другие перспективы.

Отсутствие со стороны германского флота сколько-нибудь значительных операций в направлении Финского залива, общее положение на сухопутном фронте, почти исключавшее возможность выделения немцами крупных сил для выполнения десантной экспедиции в глубину этого залива,—казалось бы, должны были вызвать постановку новых стратегических целей Балтийскому флоту, поступившись идеей обороны главной позиции, которой в тот момент никто не угрожал. Угроза Рижскому заливу была вполне реальна, и от флота требовалось приложить все усилия, чтобы обеспечить фланг нашей армии.

Это вызывало необходимость пересмотра директив Балтийскому флоту.

Однако, сущность последних оставалась все той же. По-прежнему, главной задачей флота считалась оборона Ревель-Порккалаудского рубежа, и до осени командующий флотом был лишен права пользоваться главными силами—новыми линейными кораблями. Частичное разрешение было дано, но уже после того, как был пропущен летний период, и неприятель взял инициативу в свои руки.

Между тем, помимо операции по обороне берегов, существовало еще направление, удар по которому был бы весьма чувствительным для противника: это морские сообщения Германии со Швецией. В этом отношении определенных директив ставкой не было дано. Операции против морской торговли противника выполнялись попутно с другими задачами. Единичные же походы, предпринимавшиеся специально с этой целью, крупных результатов не давали, так как велись не в плановом порядке, а спорадически.

Потери немцев превосходили потери русского флота. В то время, как мы не потеряли ни одного крейсера или линейного корабля и наши потери ограничивались гибелью

2 канонерок, 2 миноносцев, заградителя „Енисей“ и 2 подводных лодок, противник потерял—1 броненосный крейсер, 1 легкий крейсер, не менее 8 миноносцев, 1 заградитель и значительный тоннаж торгового флота; ряд его судов был поврежден: линейный крейсер „Мольтке“, 1 линейный корабль, 2 легких крейсера и по крайней мере 5 миноносцев.

Но эти потери незначительно сказывались на соотношении боевых средств сторон, установившемся с прошлого года. Немцы попрежнему располагали возможностью сосредоточить против русского флота безусловно превосходные силы.

Не потери, а отсутствие со стороны германского морского командования определенных целей, отсутствие настойчивости в выполнении начатых операций (прорыв в Рижский залив) определили, в конечном счете, приобретение русскими все большей и большей стратегической устойчивости. Время работало на них, ибо с каждым месяцем положение русского флота и обороны становилось более прочным, так как русское командование непрерывно усиливало береговую оборону побережья.

Если мы вправе остаться неудовлетворенными активным порывом со стороны русского флота, который в кампании 1915 года лишь парировал удары противника и не предпринял ни одной крупной операции наступательного характера, то в отношении оборудования театра русское командование проявило энергию.

Состояние береговой обороны Балтийского моря к концу 1915 года рисуется в следующем виде (батареи): см. схему № 13.

1) Район главной позиции (Ревель—Порккалауд):

В Ревеле:

На Суропе	4—9,2" ¹
Какомьяги	4—120 мм
Нарген	4—6"
"	4—9,2" ¹
"	4—8"
"	4—120 мм
Карлос	4—75 мм ¹
Вимс	4—120 мм
Вульф	4—75 мм

В Порккалауде:

Макилото	4—8"
--------------------	------

В Свеаборге

был значительно усилен приморский фронт крепости установкой новых 10" батарей дальнего боя.

2) Район Фланговой Шхерной позиции:

Хесте—Бюссе	4—6"
Руссаре	6—75 мм ¹

¹ Батареи, сооруженные в 1915 году.

3) Район Моонзунда:

Моон	4—6"
"	4—10" ¹
Вердер	4—6"
Даго	4—75 мм

4) Або-Аландский район:

Эре	4—120 мм ¹
Уте	4—75 мм ¹
"	4—6" ¹
Скаттауд	4—6" ¹

Б. Кампания 1916 года.

В начале 1916 года произошло событие, которое должно было оказать крупное влияние на ход дальнейших действий на Балтийском море: был образован морской штаб при верховном главнокомандующем и установлено подчинение флота, помимо северного фронта, непосредственно верховному командованию. Таким образом флот не был более прикован к местным интересам берегового командования и перед ним раскрывались широкие перспективы по ведению самостоятельных боевых операций на море.

Затем было разрешено пользование всеми кораблями Балтийского флота, не спрашивая на то каждый раз разрешения ставки.

Это расширение оперативных прав командующего флотом, в связи со вступлением в строй новых миноносцев и подводных лодок, казалось, должно было определить новый этап в отношении задач и боевого использования флота.

Однако, несмотря на вышеуказанные организационные реформы, задачи Балтийскому флоту были оставлены прежними.

Директива Балтийскому флоту на 1916 год гласила:

„Не допускать проникновения противника к востоку от главной морской Нарген-Порккалаудской позиции в Финском заливе.

В развитие этой главной задачи, в целях удержания подступов с моря к главной морской позиции, выполнить следующие частные задачи:

1) Прочно удерживать Або-Аландскую шхерную позицию, препятствуя вместе с тем проникновению противника в Ботнический залив и к юго-западному побережью Финляндии.

2) Прочно удерживать Моонзундскую позицию и острова Моонзунда.

¹ Батареи, сооруженные в 1915 году.

3) При первой возможности восстановить ранее занимаемое флотом положение в Рижском заливе, дабы, по восстановлении такового, всеми силами, сосредоточенными в Рижском заливе, оказать упорное сопротивление проникновению в пролив противника, а в случае прохода его туда—всеми мерами затруднить его операции в Рижском заливе.

Выполнять возможные активные операции, не идущие в ущерб главной задаче, поставленной флоту, и наносить возможный вред противнику.

4) Действиями в море и у берегов оказывать возможное содействие операциям нашей армии“.

Как видно, директива флоту по существу осталась той же, что и раньше, новых целей не ставилось, а активные операции, без указания их цели и направления, были оговорены неприкосновенностью главной задачи и формулированы в столь общих выражениях, как „нанесение возможного вреда противнику“.

Наступательные намерения командующего флотом сводились к следующим предположениям на 1916 год: „затруднив противнику, поскольку то возможно, постановкой минных заграждений и действиями подводных лодок, как выход неприятельских морских сил из собственных его портов и баз, так и выполнение намеченных операций, стремиться к уничтожению открытой силой всякой более слабой части неприятельского флота и всех коммерческих его судов, каждый раз по выходе их в море... Заставить неприятеля усилить деятельность свою в море и тем самым поставить его под удар, при всех передвижениях его к ост'у от Гиедзерского маяка, как наших подлодок и мин заграждения, так и боевых наших отрядов, придвинутых к выходам в открытое море и ожидающих только приказа для атаки неприятеля“.

Из цитированного документа видно, что это были общие предположения, также не содержащие в себе вполне определенного объекта действий.

Те же идеи о заградительных операциях в море теперь получали совершенно другую ценность, сравнительно с 1914 г. Во-первых, самое наступление немцев в Финский залив в данный момент было менее вероятно, чем когда-либо; во-вторых, действительность минных заграждений уже была значительно понижена, благодаря усилению состава тральных отрядов, как с русской, так, в особенности, с германской стороны, и улучшению самой организации траления. Рассчитывать минными заграждениями в море, у берегов неприятеля, остановить противника теперь уже не представлялось возможным.

Операции подводных лодок также встречали препятствия, не ощущавшиеся в прошлые годы. Подводная лодка перестала быть новым оружием, были выработаны средства борьбы

с ней. В частности, широкое и все увеличивающееся распространение и совершенствование средств авиации значительно осложняло операции подводных лодок.

Количество русских лодок было увеличено. Одна за другой вступали в строй с заводов новые лодки типа „Барс“. и к кампании 1916 года у нас были в строю 6 новых русских лодок и 5 английских. Это уже давало возможность вести систематические операции подводных лодок в открытом море. Но полученная возможность в значительной мере гасилась затрудненными условиями их использования.

Что касается последних предположений командования об атаке противника „по частям“, то этой надежде также не суждено было осуществиться, ввиду того, что немцы избегали такого удобного случая для русского флота, а командование последним не было склонно искать его; тем более, что базирование флота, не говоря уже про Ревель и Гельсингфорс, но и в более выдвинутых районах Або—Аланда и устья Финского залива, затрудняло быстрый выход флота в район, где встреча с противником особенно вероятна — в южной и средней части Балтики.

**Состояние
обороны Бал-
тийского моря
в 1916 году.**

Если активные предположения командующего флотом Балтийского моря не отличались ясностью, а в самой постановке задач мы не наблюдаем подлинного устремления к их разрешению, то меры оборонительного характера командованием были предусмотрены в широких пределах.

Наметившееся в предыдущие годы расширение оперативной зоны на Моонзунд и Або—Аланд теперь подлежало закреплению и сведению в один цельный план обороны побережья.

Первой и наиболее крупной мерой в этом отношении явилось устройство, так наз., передовой минной позиции на участке Эре—Даго, образуемой поставленным в этом районе большим минным заграждением с защищенными флангами (см. сх. 14).

Задачей передовой позиции являлось: служить передовым рубежом для боя с противником при его намерении прорваться в Финский залив, прикрыть сообщение Або—Аланда и Моонзунда как между собой, так и с главной базой флота в Финском заливе, служить опорой обороны флангов обоих вышеуказанных районов.

Передовая позиция смыкала линию обороны в один фронт.

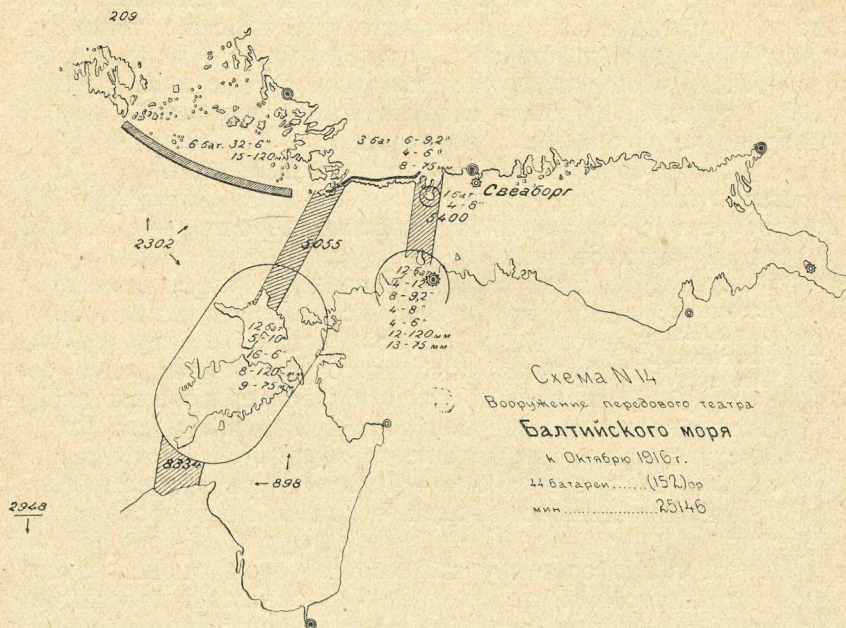
Фланги ее должны были быть защищенными 12-дм. батареями на Эре и у м. Такхона. Минное поле было поставлено весной 1916 года в количестве 4.000 мин.

Крупные мероприятия были начаты и для обороны Моонзунда. Уже весной начались работы по углублению Нуке-

Вормского фарватера до 25 фут., чтобы была возможность провести большие корабли для обороны Рижского залива. В Моонзунде зимовал лин. кор. „Слава“, проведенный через Ирбенский пролив кружным путем. Но после новых заграждений Ирбена вывод его и ввод других больших судов уже был невозможен. С прорытием этого канала оборона Рижского залива получала новую устойчивость.

На Цереле для защиты минной позиции была проектирована постановка 12-дм. батарей и ряда других батарей на остро-

вах Моонзунда. В Рогокюле сооружалась маневренная база для морских сил Рижского залива.

(Общее состояние обороны Балтийского театра в 1916 году показано на схеме № 14).

Как уже было упомянуто выше, кампания 1916 года на Балтийском море началась продолжительным периодом затишья в военных действиях. Немцы не проявили широкой активности. Они ограничивались воздушными налетами, высылкой подводных лодок к русским берегам и изредка крейсерством отдельных отрядов в море. Крупных операций как весной, так и до конца кампании этого года ими не предпринималось.

Что касается русской стороны, то предположения об активных операциях, о которых упоминал план на 1916 год, остались в значительной своей части не осуществленными.

Заграждений неприятельских берегов не производилось. Вся энергия ушла на усиление минных полей Передовой, Ирбенской и Главной позиций и в районе средней Балтики. Сюда были израсходованы наличные запасы мин заграждения.

Операции русских подводных лодок проходили систематически и по определенному плану. Почти в течение всей кампании они посменно крейсеровали в районе Либавы и у германского побережья, утопив несколько боевых вспомогательных судов противника и ряд коммерческих пароходов. Крупного же результата ими достигнуто не было.

В равной мере не достигли цели операции, предпринятые крейсерами и миноносцами для нападения на торговые пути между Германией и Швецией. Таковые операции были организованы в порядке отдельных набегов и привели лишь к потоплению нескольких пароходов.

Говоря про кампанию 1915 года, мы указали, что важнейшее для хода военных действий направление—на морские сообщения Германии в Балтике не вызывало к себе достаточного внимания со стороны русского командования. В кампанию 1916 года мы наблюдаем ту же картину, то же отсутствие настойчивости и планомерности, как и ранее. В этом винить приходится не только командование флотом. Пути, которыми пользовались шведские и германские торговые суда, проходили преимущественно в территориальных водах, и только иногда, в силу навигационных причин, на их пределе. Опасение нарушить нейтралитет Швеции, боязнь ее вмешательства в войну на почве конфликта, могущего произойти в этом случае, обязали ставку весьма ограничить свободу действий русских крейсеров и подводных лодок.

Таким образом, с одной стороны, в силу навигационных условий, а с другой—в силу ограничивающих директив ставки и недостаточной энергии, проявленной командующим русским флотом, борьба с торговлей Германии велась не интенсивно.¹

Лишь в Рижском заливе имели место оживленные боевые действия, но они не выходили из пределов обычных боевых столкновений.

---

¹ О торговле в Балтийском море Швеции и Германии могут свидетельствовать следующие цифры по данным „комитета об ограничении снабжения и торговли неприятеля“:

Прошло грузов по линии жел. дороги Засниц—Тралеборг в 1914 г.—130.000 тонн и в 1915 г.—297.000 тонн, по линии Мальме—Копенгаген в 1914 г.—242.000 тонн, в 1915 г.—434.000 тонн.

Около 200 пароходов совершали рейсы между восточными берегами Швеции и Германии в промежутки конца 1915 и начала 1916 года. С 15 марта 1915 года до 10 марта 1916 года в Германию было ввезено из Швеции свыше 800.000 тонн руды, 900.000 тонн железа и пр.

Ввиду углубления Моонзундского фарватера, русские уже в июле имели возможность провести в залив крейсер „Диану“, затем в августе—лин. кор. „Цесаревич“ и кр. „Баян“.

Таким образом, состав морских сил был решительно усилен. Русские суда оказывали могучую поддержку флангу армии, обстреливая приморские позиции в прибрежном районе.

В Ирбенском проливе шла борьба за целостность минных полей. Германцы владели Курляндским побережьем и под прикрытием возведенных ими укреплений пытались протравить фарватер через заграждение. Русские заградительные суда и миноносцы упорно восстанавливали вытраленное.

Наша и германская гидроавиация соперничали в сбрасывании бомб на районы расположения береговых сооружений и судов противника.

Что же касается главных сил русского флота, то таковые пребывали в состоянии томительного бездействия, будучи все время в Финском заливе и не находя себе боевого применения.

Намерение командующего пользоваться всяким случаем благоприятной обстановки, чтобы бить противника по частям, требовавшее напряженных поисков последнего в море, осталось не выполненным. На флоте развивался дух апатии, складывалось недовольство командованием.

Лишь в июле Балтийскому флоту даны были задания, потребовавшие от командования усиленных приготовлений и дававшие, казалось, возможность широкого боевого использования его сил.

Ввиду событий на Северном море, в связи с Ютландским боем (31 мая—1 июня 1916 г.), который приковывал все внимание германского командования на этот театр, в течение ближайшего времени не было оснований ожидать крупных операций немцев в направлении Рижского залива. Ставка решила воспользоваться этим и произвести сильный нажим на Рижском участке фронта, рассчитывая, что германский флот не будет в состоянии оказать помощь своей армии.

Согласно этому, начальник штаба ставки, Алексеев, написал командующему Северным фронтом подготовиться к наступлению, с целью заставить немцев отойти от Двины, а, может быть, при дальнейшем успехе очистить всю Курляндию.

В директиве главкосеу, между прочим, было сказано: „полезно принять меры к тому, чтобы заставить противника еще более растянуть свои силы. Для сего доступны способы демонстративные, в виде подготовки десанта на Домеснес и на Рижское побережье, или, по соглашению с адмиралом Каниным, производство десанта морскими полками о-ва Эзель...“

Ныне немцы почти не имеют войск на побережьи. Угроза захвата и утверждение наше на берегу заставит их выделить часть сил, вероятно, из состава войск, вам противостоящих, и тем облегчит выполнение поставленной задачи..“

Таким образом вначале было предположено произвести лишь демонстрацию десанта, силами 6—8 батальонов морской бригады, находившейся на о-ве Эзель.

Однако, командование Балтийским флотом, считая не трудным высадку и больших соединений войск, предложило выполнить десант крупного масштаба, состав которого оно намечало в 24 батальона, 13 эск. и 54 ор., поставив целью не только демонстрацию, но согласованное с фланговой 12-й армией наступление в глубину Курляндии.

Командовавший этой последней, ген. Куропаткин, не был согласен с данным проектом. В ряде донесений он указывал на невозможность наступлением поддержать движение десанта.

Изверившись в успехе лобового удара 12-й армии, ген. Алексеев решил перенести центр тяжести на десант, соглашаясь усилить его дивизией, а в крайности бригадой хороших полевых войск.

Однако Канин, узнав об этой новой задаче десанта, поднял вопрос о назначении всего XIX арм. корпуса для переброски в Курляндию, чтобы решительным и внезапным ударом занять ее, отбросив фланг германской армии далеко на запад. На это Алексеев ответил молчанием.

Между тем, приготвление к десанту шло полным ходом; операция предполагалось выполнить в срочном порядке, учитывая возможное в этом случае сосредоточение германского флота к Ирбенскому проливу, и стремясь закончить ее раньше, нежели немцы успеют прорвать последний, в чем, при превосходстве сил германского флота, сомнений не возникало.

Данная операция ставила под угрозу все положение в Рижском заливе и могла быть оправдана только крупным успехом десанта. В противном случае, вызвав германский флот на решительный образ действий, она могла привести лишь к окончательной утрате нами господства в Рижском заливе.

Этим объясняется настойчивость Канина, требовавшего сильного состава десанта и энергичной поддержки со стороны 12-й армии.

Переговоры командных инстанций и приготовления к экспедиции продолжались до начала августа, когда, вследствие осложнившегося положения на фронте, вызвавшего необходимость иного использования частей войск, предназначавшихся для десанта, она была отменена.

Флоту было приказано лишь демонстративно готовить высадку, чтобы обеспокоить этим противника, и оттянуть часть его войск для охраны побережья.

Таким образом, попытка совместных действий в крупном масштабе, несомненно имевшая шансы на успех, не была доведена до конца, и обширные приготовления остались напрасными, не приведя ни к какому результату.

Между тем, деятельность германского флота, встревоженного ставшими ему известными русскими приготовлениями, к концу лета оживилась.

Германские подводные лодки появились по восточную сторону центральной позиции Ревель — Порккалауд; — событие чрезвычайной важности. Этот район до сих пор считался русским командованием недостижимым для неприятельских лодок. Теперь пришлось считаться с угрозой плавания судов в тыловой зоне — между Ревелем, Гельсингфорсом и Кронштадтом.

В период 30 августа — 7 сентября данные разведки указывали на сосредоточение крупных неприятельских сил для новой операции в Ирбенском проливе. В течение этих дней немцы усиленно тралили подход к Ирбену под прикрытием крейсеров. Три германских лодки прошли в Рижский залив, неоднократно пытаясь атаковать наши суда.

Русское командование ожидало повторения прошлогодней операции прорыва в Рижский залив. Однако, дальше приготовлений немцы не шли.

Выше мы упомянули, что главные силы Недовольство Балтийского флота в течение всего лета были ставки действиями командования флотом. Смена адмирала Канина. в состоянии тягостного бездействия. Операции в Рижском заливе не превосходили значения небольших стычек, действия подводных лодок являлись, более или менее, обычным их крейсерством.

Флот, в целом, не выполнил тех надежд, которые связывались с предоставлением командующему флотом права использования всех его боевых средств, с предоставлением ему большей свободы действий, в силу изъятия из подчинения северному фронту и передачей такового ставке непосредственно.

Это вызвало сначала на самом флоте, а затем и в ставке, недовольство командованием. Против адмирала Канина начался поход, прежде всего в его собственном штабе, а затем и в морском штабе ставки.

Оценку ставкой деятельности адмирала Канина мы находим в докладе начальника морского штаба верховного главнокомандующего Николаю II от 6 сентября.¹

„Ютландское сражение, — говорится в докладе, — окончившееся частичным поражением германского флота, создавало на Балтийском театре благоприятные условия для активных действий нашего флота, так как в течение, по крайней мере, месячного срока германский флот был фактически лишен возможности не только предпринять какие-либо широкие опе-

¹ Дело архива морискома без №.

рации в Балтийском море, но даже, вероятно, противопоставить достаточные силы для парирования наших ударов. Эта благоприятная для наших действий обстановка не была, однако, достаточно использована командованием Балтийского флота. В самом деле, за это время были выполнены лишь небольшие активные операции: первая 31 мая—2 июня против неприятельского каравана в Норчепинской бухте, вторая 16—18 июня против неприятельских торговых караванов между Готландом и материком, из коих вторая не привела к положительному результату.

„Точно также в течение минувшего лета не были использованы подводные лодки, количество которых вполне позволяло развить широкие активные операции. В течение всего летнего периода флот выполнял различные операции по подготовке и усилению театра, безусловно необходимые, но чисто пассивные.

„Вышеприведенные обстоятельства дают основание полагать, что командование флотом в течение прошедшего благоприятного летнего периода не вызвало широкой стратегической инициативы и не выказало решимости использовать благоприятную обстановку...“

В дальнейшем этот доклад содержит ряд упреков Канину, в том числе за недостаточно удовлетворительную организацию борьбы с подводными лодками, за целый ряд пробелов в области внутреннего руководства флотом и пр.

В заключение доклад говорит: „до сих пор со стороны противника еще не было проявлено попыток к широким морским операциям на Балтийском море, однако, таковые могут начаться в любой момент, особенно осенью и весной, когда противнику благоприятствуют физико-географические условия. Операции последних дней в Рижском заливе, когда неприятелю удалось, впервые за всю войну, провести свои подводные лодки в Рижский залив, еще более осложняют обстановку и условия действий нашего флота. Весной же, когда в силу долговременности стояния наши позиции потребуют возобновления, обстановка будет столь серьезна, что от командования Балтийским флотом потребуется полное проявление широкой инициативы и твердой воли, т.-е. тех качеств, которыми в настоящее время командование не обладает. Эти соображения, в связи с опасностью угашения воинского духа личного состава, заставляют притти к окончательному заключению, что при настоящем командовании Балтийским флотом успешное выполнение возложенных на него задач является сомнительным...“

В результате этого доклада адмирал Канин был смещен и вместо него назначен адмирал Непенин.

Однако, неудовлетворенность действиями Балтийского флота не может быть приписана только личным качествам

адмирала Канина, тем более, что его заместитель тоже не смог внести ничего существенного в ту обстановку, которая сложилась кругом деятельности Балтийского флота.

С большим основанием можно утверждать, что первая причина этой недостаточной активности лежала в систематическом, в течение двух лет производимом, угашении духа командования директивами ставки. Утверждение в течение всего времени одной и той же главной задачи—обороны подступов к столице, каковая самой обстановкой уже после вступления в войну Англии и развившейся ожесточенной борьбы на сухопутных фронтах могла почитаться задачей нереальной, в особенности после того, как местная оборона Финского залива была значительно усилена,—сделало свое дело: убило инициативу в ведении боевых операций.

Ставка и штабы сетовали на недостаточную активность. Но где же то директивное направление для проявления этой активности, по которому можно было бы судить о наличии у верховного командования вполне определенных идей использования флота? Где же задачи активного смысла? Их не было. Ссылки на необходимость активной деятельности являлись не более, как общими указаниями без определенной идеи. Ставка ждала, что сам флот найдет для себя эту цель и сам командующий решит задачу, которая прежде всего была не ясна самой ставке.

Адмирал Канин проявил недостаточно энергии при постановке заграждений у неприятельских берегов и все его внимание было направлено на минирование оборонительных позиций. Это должно быть отмечено, несомненно, как отсутствие активности, как его ошибка и неиспользование благоприятных условий. Но ставка переоценивала значение этих операций в 1916 году сравнительно с 1914.

Не стараясь защищать адмирала Канина, который не проявил и скромной доли оперативных заветов, оставленных после себя Эссенем, мы все же с достаточным основанием склонны утверждать, что не личность или способности адмирала Канина сыграли здесь решающую роль, а директивы ставки, воспитавшие и систематически проводившие принципы боязливой осторожности, нашедшие в лице Канина лишь соответствующего им выразителя.

Опасения ставки о могущих последовать осенью 1916 г. решительных операциях со стороны германского флота на Балтийском море не оправдались. Осень прошла в относительно затишьи, чему впрочем способствовали штормовые погоды, длительными периодами державшиеся на театре.

Немцы ограничились операциями преимущественно подводных лодок, которыми были поставлены мины заграждения в восточной части Финского залива, за центральной позицией. На этих минах подорвался крейсер „Рюрик“ и один новый миноносец.

Появление лодок в тыловой зоне Балтийского флота поставило его в трудное положение и в значительной мере парализовало его деятельность.

Кроме того, немцами была предпринята безрассудная попытка прорваться миноносцами, без предварительного траления, через передовую позицию для атаки русских судов в районе Ревеля. Она им стоила потери семи лучших миноносцев, а результат ее—несколько шальных снарядов, брошенных в Балтийский Порт—был, очевидно, ничтожен.

В. Кампания 1917 года.

Февральская революция и последовавшее затем падение боевой мощи русских вооруженных сил, закончившиеся их полным разложением, определили для России безуспешность дальнейшего ведения войны.

Боевые операции кампании 1917 года на суше и на море не могут быть рассматриваемы, как протекшие в условиях нормальных для войны вообще. События внутреннего порядка затмили боевые интересы и создали специфическую обстановку, в которой оперативное искусство играло лишь второстепенную роль, а стратегия лишилась главного—моральной базы в виде готовности масс итти на жертвы, сопряженные с войной, цели которой им были чужды. Стратегия лишилась организованной военной силы.

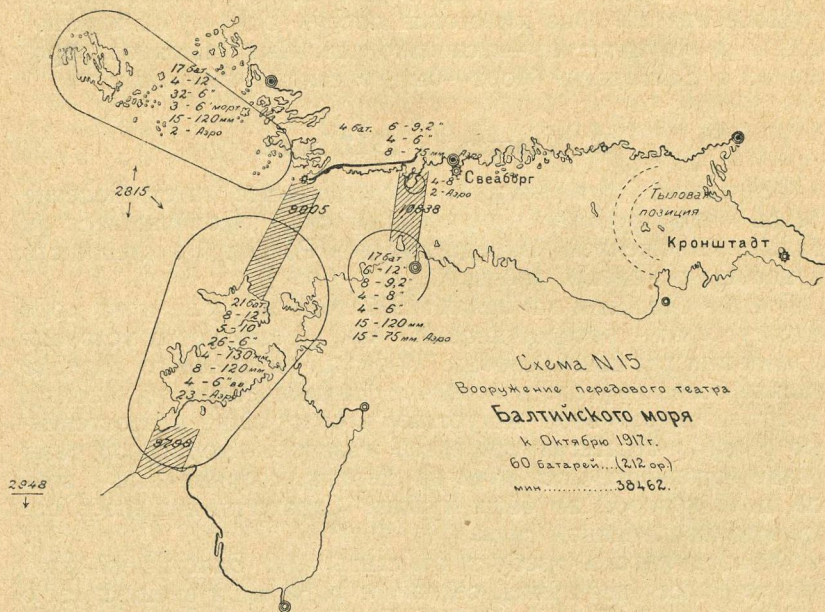
Справедливость требует отметить, что Балтийский флот гораздо долее, чем армия, сохранил, хотя бы и внешне, свою боеспособность. До октября 1917 года, т.-е. в течение всей летней кампании, командование им, по крайней мере оперативное, внешне протекало в рамках, допускающих боевое руководство. Его боевые приказания обычно исполнялись. Корабли ходили в море, дрались и гибли, подчас давая примеры высокого героизма. Но развитие революционных процессов, введение коллегиального управления, падение престижа начальников, атмосфера взаимного недоверия, частые смены начальников, выборное начало, наконец, разложение в самой среде офицерства и команд—все это не позволяет флот 1917 г. оценивать, как вполне боеспособную часть.

Эти соображения не дают нам основания кампанию 1917 г. вложить в общее русло событий, исследуемых настоящим трудом. Поэтому мы ограничиваемся обозрением вопроса, являющегося одним из центральных для настоящей темы,—вопроса об оборудовании театра для обороны и его боевой

проверки, каковая имела место осенью 1917 г. при решительном наступлении германского флота на Моонзунд.

При обзоре предыдущих кампаний мы видели постепенное, из года в год, расширение и закрепление оперативной зоны Балтийского флота, выразившееся сначала в создании одного рубежа обороны между Ревелем и Порккалаудом, затем выдвижение его на Моонзунд и Або—Аланд и смычке с передовой позицией. Это был один общий план, осуществляемый постепенно (сх. № 15).

В зиму 1916—17 года план обороны получил дальнейшее развитие в виде проекта оборудования тыловой зоны флота между центральной позицией и Кронштадтом. Было намечено создание „тыловой позиции“ в районе восточнее Гогланда, между островами Сескар—Лавенсари, и оборудования также позиционной защиты прилегающего к Кронштадту района Биорке.

Таким образом, направление, оборона которого всегда ставилась флоту главной задачей, должно было быть защищено рядом рубежей трех позиций и, наконец, Кронштадтским укрепленным районом, явившим собой как бы последнюю позицию Балтийского флота.

Этот раскинутый план почти непрерывной линии батарей на протяжении побережья: Ботнический залив—Аланд—Эре—

сев. шхеры Финского залива—Биорке—Кронштадт, Лавенсари—Ревель, Даго—Церель представляет собой грандиозный замысел, попытку решения проблемы обороны почти сплошной сетью батарей.

К 1917 году сооружение всех намеченных батарей еще не было закончено. Помимо тыловой позиции, не были готовы главные батареи центральной позиции—14" башенные установки Сулопа, Макилото и Наргена. С готовностью этих последних, крепостной район Балтийского моря представлял бы собой самую могущественную, по количеству вооружения и размерам обороняемой зоны, морскую крепость в мире.

Мы рассмотрим лишь в самых кратких чертах состояние береговой обороны к 1917 году.

а) Главная позиция (сх. № 16).

К осени 1917 года в районе главной позиции действовали следующие батареи:

№№			
1	Балтийский порт	3—120 мм	1917 г.
2	Сулоп	4— 9"	1917 "
3/а	"	3— 57 мм А	1917 "
3	М. Рооге	3—120 мм	1917 "
4	Какумяги	3—120 мм	1914 "
4/а	"	3— 75 А	1915 "
5	Нарген	4— 6"	1914 "
5/а	"	3— 75 А	1916 "
7	"	4— 9.2"	1915 "
9	"	4— 8" А	1916 "
9/а	"	4— 57 мм Б	1917 "
10	"	4— 12" Б	1916 "
11	"	3—120 м А	1915 "
12/а	Карлос	4— 57 м А	1915 "
13	Вимс	3—120 мм	1914 "
13/а	"	4— 75 мм А	1916 "
15	Вульф	2— 12" Б	1917 "
20	Макилото	4— 8" Б	1917 "
20/а	" д.	3— 57 А	1917 "

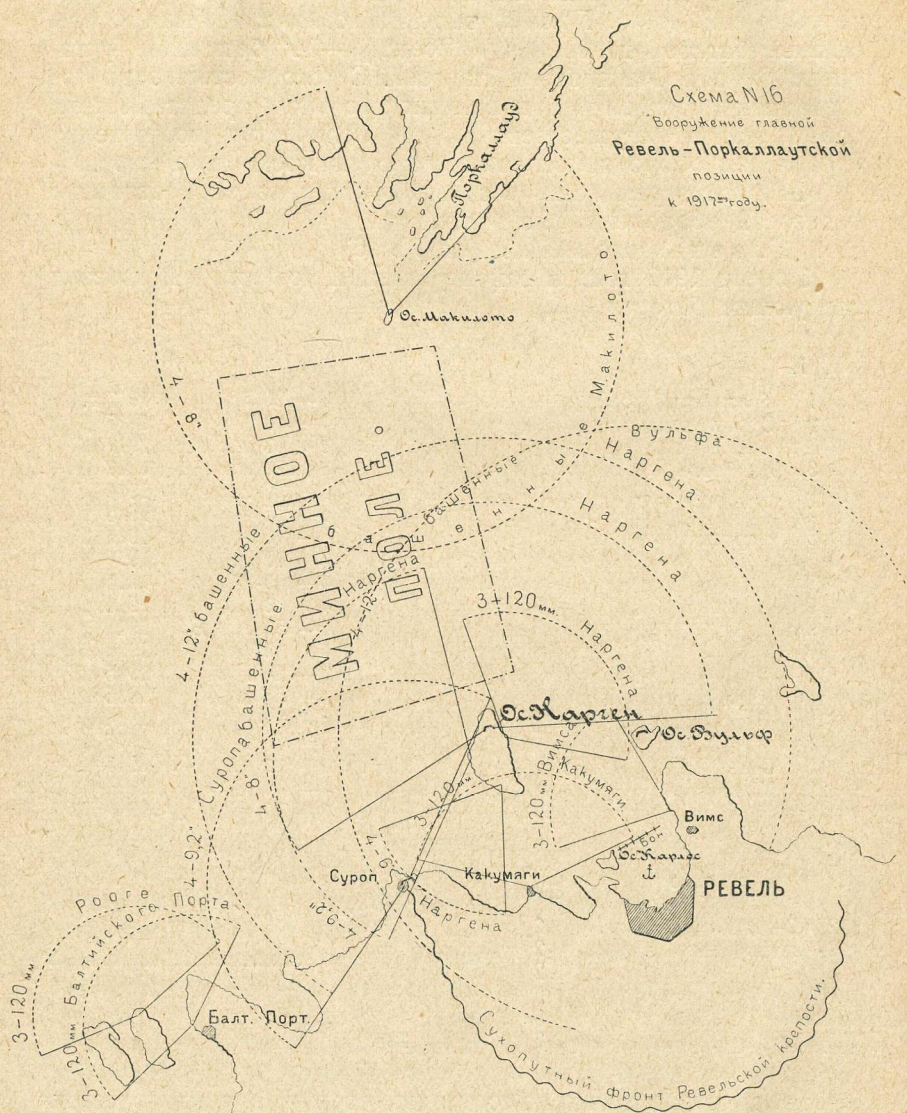
И т о г о	Число батарей	Число орудий	кр.	сред.	аэр.
12"/52—баш.	2	6			
9."2 открытых	2	8			
8" баш.	2	8			
6" открытых	1	4	22	19	23
120 мм	5	15			
75 мм Аэр	7	23			

Надо признать, что по состоянию вооружения приморского фронта, в особенности с готовностью башенных батарей, при одновременном участии линейных сил Балтийского флота задача открытого форсирования главной позиции германским флотом могла быть решена только при исключительно благо-

приятной обстановке и, во всяком случае, представляла большие трудности.

Лишь ценой потери значительной части своего флота Германия могла бы предпринять прорыв этой позиции, за-

щищенной к тому же обширным минным полем (10.500 мин). Но прорыв не обозначал еще уничтожения береговых сооружений позиции. Орудия Наргена, Вульфа и Макилото могли

продолжать грозить тылу прорвавшегося флота, коль скоро прорыву не предшествовало их разрушение или взятие.

Столь энергичное усиление приморского фронта крепости не сопровождалось, однако, соответственными мероприятиями для обеспечения его со стороны сухого пути. Мы отметили уже, что Ревель имел недостаточную защиту, северный же фланг позиции у Порккалауда ее не имел вовсе. Лишь островное расположение батарей до некоторой степени страховало их от атаки с берега.

Между тем, наиболее вероятными операциями противника следовало считать совместные действия его флота и армии, и прочность позиции целиком зависела от того, в какой мере она защищается не только от флота, но, — и это, пожалуй, главным образом, — от армии.

Однако, в случае вынужденного отступления, русская армия не предполагала задерживаться в этом районе. Весьма возможно, что Ревелю с его небольшим гарнизоном и дурным крепостным оборудованием угрожала бы судьба других русских крепостей западного фронта, оставленных армией при ее отступлении.

б) Передовая позиция (сх. № 17).

Вооружение передовой позиции:

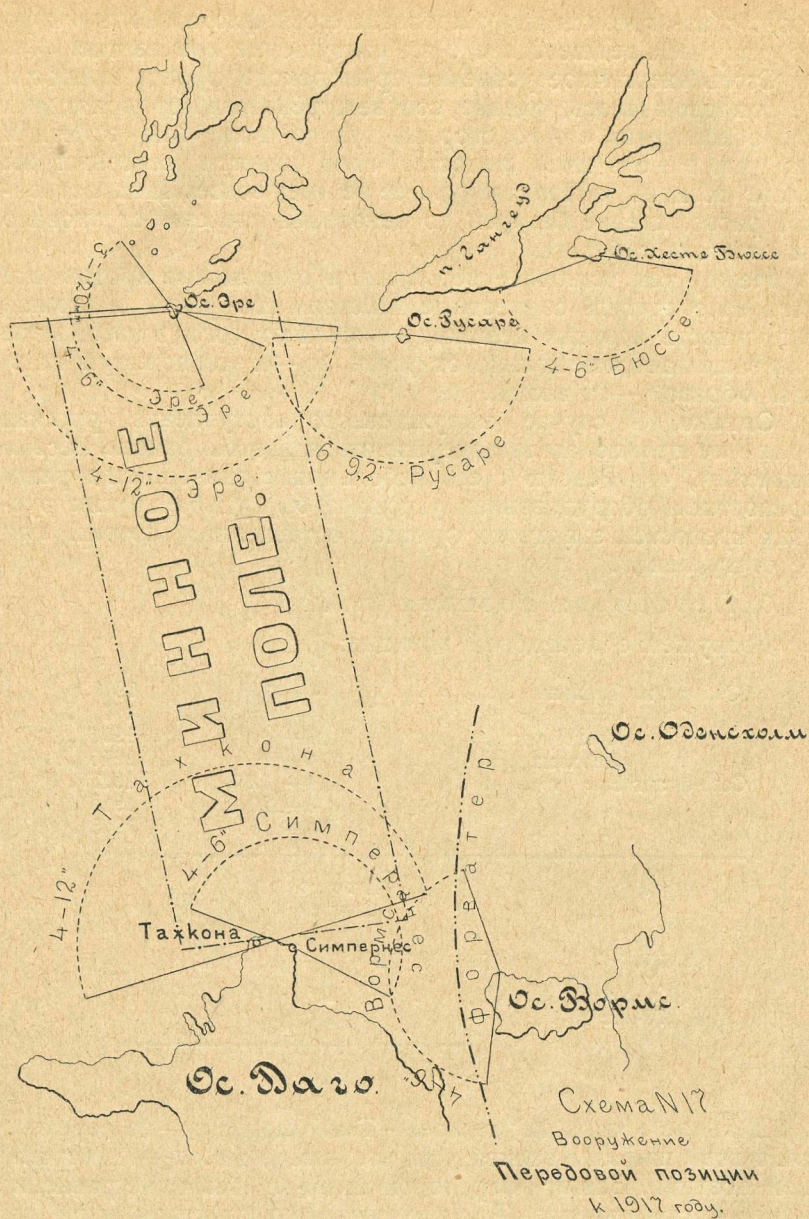
Юж. фланг Такхона	4— 12"	1917 г.
"	4— 75 мм А	1917 "
Симпернес	4— 6"	1916 "
Дирхамн	4— 6"	1916 "
Сев. фланг Эре	4— 12"	1917 "
"	3—120 мм	1915 "
"	4— 6"	1915 "

	Итого батарей	Орудий
12"	2	8
6"	3	12
120-мм	1	3
75-мм А	1	4
	7	27

Дальность огня 12 "батарей—Такхоны и Эре—не перекрывала всей ширины залива, как это имело место на центральной позиции. Защита передовой позиции была несравненно менее могущественна. Тактическим преимуществом этой позиции являлось лишь наличие широкого маневренного района для маневрирования линейных сил.

Северный фланг позиции упирался в шхерный район, защита которого могла выполняться флотом. Кроме того, расположенные здесь батареи Руссаре, с одной стороны, и Уте—

с другой, давали систему, достаточно обеспечивающую северный фланг.

Что же касается южного фланга, то прочность его всецело зависела от обороноспособности о-ва Даго, очень слабо

защищенного от десанта и обладавшего ограниченным сухопутным гарнизоном.

Когда, после неудачного исхода Моонзундской операции, пал Эзель, Даго остался беззащитным; батареи Такхоны и Симпернеса не могли оказать никакого сопротивления противнику с сухого пути, вследствие чего и были уничтожены самими русскими.

Таким образом, передовая позиция, равно как и главная, представляя собой сильное препятствие для открытого форсирования ее флотом, в то же время имела необеспеченный южный фланг в случае совместных действий против нее сухопутных и морских сил противника.

в) Або-Аландская позиция (сх. № 18).

К 1917 году вооружение Або-Аландской позиции состояло из батарей:

Або-Аландская позиция.

Уте	4— 6"	1915 г.
"	4— 6" ВВ	1915 "
"	2— 75 мм А	1916 "
"	3— 6" гауб.	1916 "
Лемланд	4—120 мм	1916 "
Ст. Клуббен	4— 6"	1916 "
Скаттауд	4— 66"	1915 "
"	4—120 мм	1916 "
Хамнэ	2—120 мм	1916 "
Корсе	2—120 мм	1916 "
Аланд	3— 6"	1916 "
"	3— 6"	1916 "
"	3— 6"	1916 "
"	3— 6"	1916 "

Итого на Або-Аландской позиции

	Батарей	Орудий
6"	8	28
6" гауб.	1	3
120-мм	4	12
75-мм А	1	2
	14	45

Как видно из этой таблицы, Або-Аландская позиция не была вооружена тяжелыми орудиями, большими 6 дм. С другой стороны, батареи (см. схему № 17) не преследовали другой цели, кроме круговой защиты района, прикрывая входные в него фарватеры.

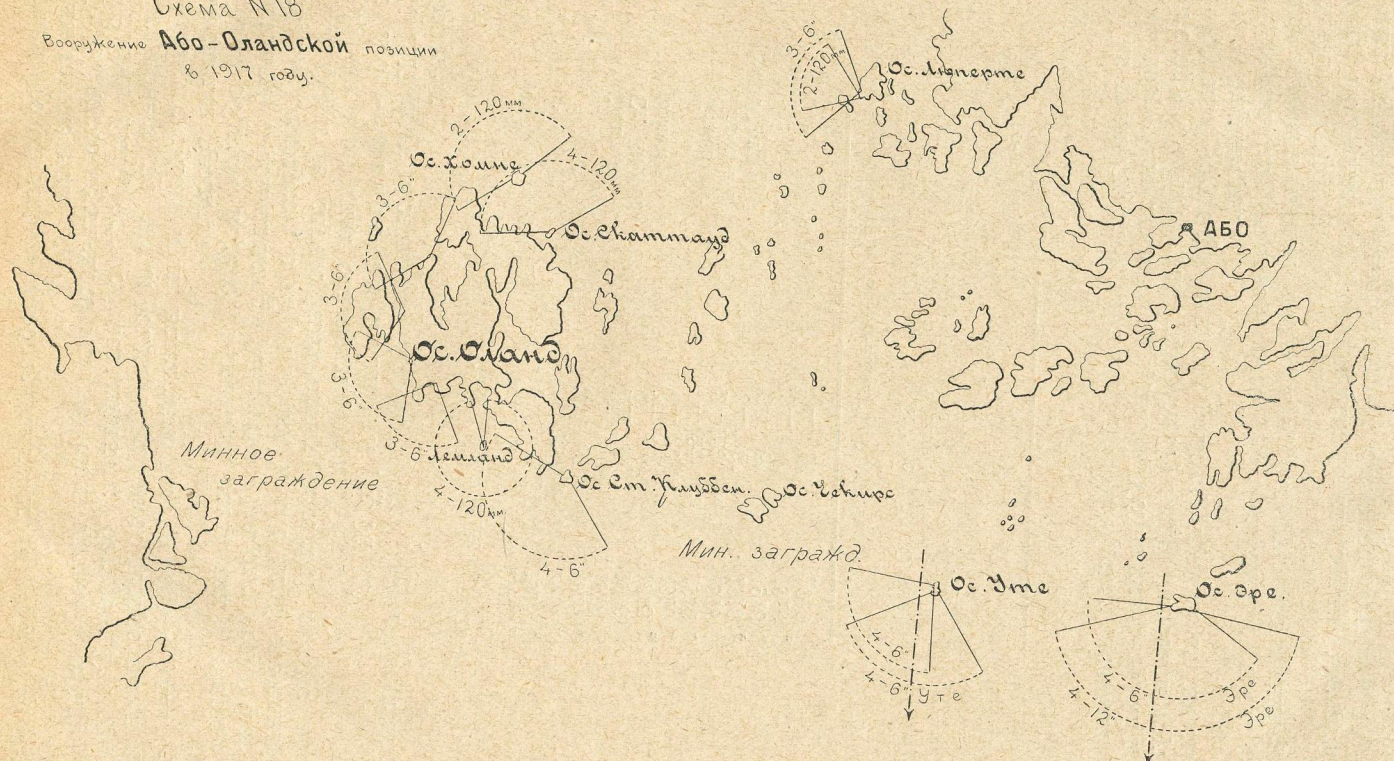
Степень сопротивляемости обороны в каждом районе всецело зависела от той поддержки, которую последний мог получить от флота.

На Або—Аланде проектировалась еще другая внутренняя линия укреплений более тяжелых калибров, которая должна

Схема N18

Вооружение Або-Оландской позиции
в 1917 году.

была обеспечить плацдарм для базирования флота, могущего отсюда по сети расходящихся фарватеров успеть подойти к любому угрожаемому пункту. Но этот проект осуществлен не был.

Местные условия Або—Аланда вполне благоприятствовали его успешной обороне. Узкие фарватеры, наличие большого количества отмелей, помимо того, что требовали искусных лоцманов и были трудны в навигационном отношении, но передвижение по ним могло быть легко затруднено минными и иными заграждениями.

Этот островной район требовал сильных сухопутных гарнизонов для защиты от десанта, которых, однако, дано не было.

г) Фланговая Шхерная позиция (сх. № 17).

Флангово-Шхерная позиция к 1917 году имела следующее вооружение:

25 Хесте Бюссе	4—6"	1914 г.
27 Руссаре	6—75 мм	1915 „
28 „	6—9,2	1915 „

Мощные батареи Руссаре сообщали устойчивость фланговой позиции. Она прикрывала продольные фарватеры района и будучи поддержана с востока примыкавшими укреплениями Макилото, а с запада—Эре, образовала хорошо защищенный со стороны моря шхерный участок.

Ее значение, однако, было не только тем, каковым оно указывалось в планах развертывания флота, т.-е. не только позицией для атаки противника миноносцами и легкими силами при его движении от устья залива к Ревель—Порккалауду. При неустойчивости Моонзундской позиции (см. ниже) и при опасности потери, вместе с островом Даго, опоры южного фланга передовой позиции, Флангово-Шхерная позиция образовывала участок северного фронта обороны—от Аланда и до Порккалауда.

Так и случилось в 1917 году при потере Моонзунда и уничтожении батарей на Даго. Поставленное минное заграждение при северном выходе у Моонзунда, явившееся как бы изогнутым флангом заграждения передовой позиции, определило собой новый рубеж, для обороны которого были сосредоточены отошедшие от Моонзунда морские силы, сосредоточившиеся на рейде Лапвик и выдвинувшие дозоры в направлении Оденсхольм—Такхона.

При иной обстановке, при наличии стремления противника продолжать успешно начавшееся наступление, Флангово-Шхерной позиции может быть пришлось бы сыграть ответственную роль маневренной базы для русских сил.

д) Моонзундская позиция

(Схема № 19)

Вооружение Моонзундской позиции состояло из следующих батарей:

Вормс	4— 6"	1914 г.
Рогокюль	2— 75 мм А	1915 "
Моон	4— 16"	1914 "
"	2— 75 мм А	1916 "
Вердер	4— 6"	1914 "
"	3— 75 мм А	1916 "
Моон	5— 10"	1915 "
Сворбе	4—120 мм	1916 "
"	3— 75 мм А	1917 "
"	4—130 мм А	1917 "
"	3— 75 мм А	1917 "
Церель	4— 12"	1917 "
"	3— 75 мм А	1917 "
Хундва	4— 6"	1917 "
Нипаст	2— 6"	1917 "
Аренсбург	3— 75 мм А	1917 "

Итого на вооружении Моонзундской позиции:

	Батарей	Орудий
12" открытых	1	4
10" "	1	5
6" "	5	18
120 мм	1	4
130 мм	1	4
75 мм А	7	19
	16	54

О значении Моонзундской позиции—мы несколько раз говорили. Она требовала максимальных усилий для обеспечения ее, как от прорыва в Рижский залив, а затем в Моонзунд, так и от десанта неприятеля на острова.

План, по которому она была осуществлена к 1917 году, может быть разделен на три участка:

- 1) оборона Сворбе и Цереля,
- 2) оборона собственно Моонзунда,
- 3) оборона Эзеля и Даго.

Рассмотрим их отдельно.

1) Оборона Сворбе преследовала прежде всего цель защиты входа в Рижский залив. Ширина последнего перекрывалась огнем 12" орудий Цереля, достигавших Курляндского берега. В проливе было поставлено большое количество мин, при чем недостатком постановок было постепенное их нагромождение постановками в течение почти трех лет.

Здесь велась минная борьба; мы ставили, противник тралил, потом мы вновь ставили и т. д.; здесь было в разное время поставлено около 10.000 мин.

В результате, Церельский пролив для русских судов явился почти недоступным. Большие суда не могли им пользоваться безусловно.

Противнику принадлежал Курляндский берег пролива, им вооруженный. Он мог под прикрытием своих батарей производить траление и поддерживать прибрежный фарватер, которым, как то было сказано уже выше, проникали, начи-

ная с осени 1916 года, его подводные лодки в Рижский залив.

Опасение за действительность минного поля и невозможность дальнейшего нагромождения мин в том же районе вызвали необходимость постановки русскими большого минного заграждения в районе Домеснеса (см. схему 19).

В целом, минная позиция, защищаемая Церельской батареей и морскими силами залива (в составе которых к 1917 г. было 2 линейных корабля, 1—2 крейсера, канонерские лодки и значительно усиленная новыми миноносцами минная дивизия)—представляла весьма существенное препятствие для противника, и вряд ли можно предположить, чтобы немцы рискнули форсировать ее, не уничтожив предварительно Церельскую батарею и не проведя в залив достаточное количество лодок с целью парализовать маневрирование русских судов.

Позиция была постоянно наблюдаема дозорными судами, для стоянки которых было оборудовано убежище в дер. Манто. Главные же силы флота Рижского залива базировались на рейд Куйвасто (в южной части Моонзунда), отстоящий от Цереля на 60 миль, что затягивало сосредоточение их для защиты последнего до 4 часов. Держать их ближе не представлялось возможным, вследствие необеспеченности залива от подводных лодок. Таким образом, постоянно существовала опасность, что морские силы Рижского залива не успеют во время сосредоточиться на позиции.

Наиболее уязвимым местом обороны была сухопутная защита. Полуостров Сворбе очень похож по своему очертанию на Квантун. У него есть также свой „Киньчжоу“—перешеек, соединяющий его с Эзелем. Лишь при наличии оборудования Сворбе, как самостоятельной крепости, и хорошей защиты этого перешейка он мог избежать судьбы Порт-Артура. Но так как ни того, ни другого не было, то естественно, все положение обороны на Сворбе всецело зависело от того, в какой мере защищен Эзель.

2) Оборона Эзеля и Даго со стороны моря были фактически ничтожны. Рейд Тагалахт, который издавна считался наиболее вероятным пунктом для десанта противника, был защищен всего двумя открытыми 6" батареями. Небольшое минное заграждение перед Тагалахт, прикрываемое этими батареями, также не являлось крупным препятствием для неприятеля.

Защита этого района предполагалась миноносцами, способными выйти для атаки противника из Моонзунда Созло-Зундом, с моря—лодками и, наконец, сухопутным гарнизоном Эзеля.

Однако, расчет на миноносцы мог не оправдаться, так как противник, располагая большими морскими силами, был

в состоянии противопоставить им любое сопротивление. Операции в море подводных лодок не давали достаточной гарантии в успехе. Следовательно, главная тяжесть обороны должна была лечь на приморские батареи и гарнизон, которые были слабы неимоверно с их задачами.

Эта слабость защиты района Тагалахта против атаки противника—компрометировала всю оборону Моонзунда. Падение Эзеля влекло за собой падение Цереля, с одной стороны,—и Даго, а следовательно и южного фланга передовой позиции, с другой.

Здесь, как в фокусе, казалось одностороннее решение задачи обороны, каковое можно проследить во всем плане оборудования Балтийского театра—это обращение всех усилий на создание препятствий для морского прорыва и недостаточное внимание к сухопутной защите. Оборона Моонзундской позиции—для флота противника ставила препятствия, трудно преодолимые, но для десанта—они были ничтожны.

В 1917 году немцы именно сюда направили свой удар. Если учесть, помимо сказанных конструктивных недостатков обороны Моонзунда, еще разложение и ничтожную стойкость его малочисленного гарнизона, то станет вполне понятным, почему немцы так легко завладели Эзелем, принудив нас к оставлению всего района.

3) Моонзундский участок—точнее южный выход из Моонзунда в Рижский залив, как видно из таблицы, имел сравнительно сильную артиллерию 5—10" орудий, которые должны были служить поддержкой для линейных кораблей, и вместе с ними они могли работать с успехом против превосходящего противника.

Однако, и этот участок обороны не мог почитаться надежным. Во-первых, суда не имели достаточно свободы для маневрирования; маневренный район был столь узок, что фактически корабли были бы почти неподвижны в бою. Во-вторых, во время фактически имевшего здесь место боя выяснилось, что временные установки 10" орудий были сделаны неудовлетворительно и сдавали после первых же выстрелов, что привело их к выходу из строя в начале сражения.

Дальнейшее движение флота противника в этом направлении ему было сильно затруднено. Наши морские силы, отступая, вводили его в узкий, искусственно углубленный фарватер, затопление двух-трех судов на котором фактически делало его непроходимым.

Помимо сказанного, играли важную роль сообщения на север к выходу из Моонзунда в Финский залив с питающей базой—в Рогокюле. Деятельность морских сил в Рижском заливе в полной мере зависела от их безопасности.

Противнику этим сообщением мы угрожали из Соэло-Зунда и с севера.

Соэло-Зунд был слабо защищен одной 120 мм батареей, расположенной на Даго. Затопление здесь хотя бы одного корабля закрывало фарватер. Защитить его таким образом было не сложно, но для этого надо было отказаться от противодействия противнику при высадке им десанта на Эзель и от атак сил противника, находящихся в заливе между Эзелем и Даго.

Соэло-Зунд был оставлен свободным, но защита его усилена не была.

Северный выход прикрывался батареями Тахконы и Симпернеса, а еще в большей степени могущими подойти главными силами русского флота из Финского залива. Но он не был обеспечен от подводных лодок противника, которые, проходя свободно под минными заграждениями Передовой позиции, могли ставить мины и атаковать корабли, идущие из Моонзунда.

Подводя итог оборудованию Моонзундской позиции, должно признать, что она защищена была сравнительно удовлетворительно только от прорыва германского флота через Ирбен. В других же отношениях защита ее оставляла желать много лучшего. В особенности слабой была сухопутная защита Эзеля.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении плана обороны Балтийского моря к 1917 году, т.-е. когда этот план уже был близок к его завершению, не трудно заключить, что он обладал существенными недостатками, а именно:

- 1) Предусматривал решение обороны преимущественно с точки зрения морского боя, но не от десанта противника.

- 2) Был не вполне согласован с планами сухопутного оборудования прилегающего театра, разительным примером чему является расхождение линий фронта и рубежей обороны флота.

- 3) При общем стремлении—покрыть непрерывной линией береговых укреплений все побережье, в ряде точек оборона была слаба. Такие точки были во всех позициях и всех районах. Это вызывало опасение за стойкость других частей цепи обороны. Чтобы с выбитием одного звена она не теряла своей прочности, необходимо было создать сухопутную защиту ряда местностей, обороняя их сухопутными войсками и гарнизоном. Этого сделано не было.

- 4) Всюду ощущался недостаток гарнизона. Несмотря на то, что количество сухопутных сил, составляющих гарнизоны крепостей и отдельные отряды на побережьях, подчиненных командующему флотом достигало крупной цифры в $75\frac{1}{2}$ батальонов и 25 эскадронов, этих сил было совершенно недостаточно для обслуживания обороны и противустояния десанту.

Вероятно, следующим шагом к развитию плана—было бы решение сухопутной его стороны, до сих пор недостаточно учитывавшейся.

Все это приводит нас к выводу, что несмотря на обилие крепостных сооружений и батарей,—центр тяжести обороны лежал все время на действиях флота в открытом море, в борьбе за обладание последним. Учитывая слабость русских морских сил сравнительно с германским флотом и пытаясь перенести центр тяжести на обширную сеть береговых укреплений, таковую задачу следует признать невыполнимой. Слабым силам русского флота и в этом случае предстояла решающая роль; от их действий зависела безопасность побережья.

Создание же рубежей—позиций гарантировало только от открытого форсирования определенных направлений, но не гарантировало от систематически ведущихся операций совместно с сухопутными войсками. Противник, располагающий свободой действий на море, всегда мог найти направление, в котором оборона берегов была недостаточно сильна.

С началом кампании 1917 года, все внимание русского командования было приковано к Рижскому заливу. В Рижском заливе 30 сентября—6 октября 1917 г. была сосредоточена вся минная дивизия, линейные корабли „Слава“, „Гражданин“ (быв. „Цесаревич“) и крейсер „Баян“.

С внешней стороны положение на Рижском заливе могло почитаться даже значительно более прочным, чем в предыдущие годы, благодаря готовности Церельской батареи.

20 августа, вследствие прорыва немцами русского фронта у Икскюля, пала Рига. Русский фронт откатился назад, причем очищение прибрежного района произошло без непосредственного давления немцев. Морским силам в Риге более ничего не оставалось делать, как эвакуировать часть гарнизона и самим отойти в Аренсбург и Куйвасто.

В связи с падением Риги и явно обнаружившейся нестойкостью русских частей, у германского морского командования возникла мысль о решительной операции для овладения Балтийскими островами.

План немцев сводился к тому, чтобы выбросить десант в составе усиленной дивизии в 23.000 человек на о-в Эзель, занять его, отрезать русские морские силы от Рижского залива и прочно завладеть этим последним. Взятие острова Эзель давало возможность в дальнейшем распространить наступление на прочие острова архипелага и угрожать движением на материк, в направлении к Ревелю.

Для обеспечения перевозки десанта предназначались морские силы, в составе двух эскадр линейных кораблей типа „дредноут“ (всего 11), 8 легких крейсеров, 47 миноносцев

и около 80 вспомогательных судов,—превышавшие по крайней мере вдвое весь наличный состав русского флота, не только сосредоточенный в районе Моонзунда, но включая и все корабли, находящиеся в других районах.

Линейный крейсер „Молотке“ и 3-я эскадра дредноутов (5) должны были обеспечить высадку в Тагалахте первой партии десанта; 4-я эскадра (5 лин. кор.) должна была уничтожить Церельскую батарею; затем часть флота должна была проворваться в Рижский залив.

29 сентября рано утром русские наблюдательные пункты обнаружили появление германских судов, в числе которых были замечены и дреднауты,—в районе при подходе к бухте Тагалахт.

Следующее донесение гласило об уничтожении огнем германских судов батарей Хундва и Нинаст, о начавшейся высадке десанта и об отступлении нашего передового отряда. Через несколько часов партии германских мотоциклетчиков распространились по дорогам от Тагалахта, разрушая телеграфные и телефонные провода, и тем лишив русские части связи, создав сразу же подавляющее моральное впечатление на нестойкий гарнизон Эзеля, тотчас начавший отступление по направлению к Арисарским позициям и к дамбе, соединяющей Эзель с Мооном.

Тем временем, под прикрытием огня крупных судов, 5 немецких миноносцев прорвались через Созло-Зунд на Косарский плес, где вступили в бой с нашими тремя миноносцами типа „Охотник“ и кан. лодкой „Грозный“, которые отошли, но затем были поддержаны подошедшим миноносцем „Десна“ и остановили противника.

На другой день наши миноносцы, охранявшие выход на Косарский плес, были обстрелены крейсером, стоявшим при выходе из Сюне-Мунде.

Попытки русского командования заградить Созло-Зунд 30 сентября при помощи затопления предназначенного для этой цели парохода—успехом не увенчались, так как этот пароход сел на мель при выходе из Роксюля. Отданное заградителю „Припять“ приказание заградить проход минами не могло быть выполнено, так как команда категорически отказалась от его исполнения.

1 октября прорвавшиеся на Косарский плес германские миноносцы имели бой, в результате которого с русской стороны был утоплен эс. к. мин. „Гром“, на германской же стороне точно также утоплен 1 миноносец и повреждены два.

Лишь ночью 2 октября удалось уговорить заградитель „Припять“ поставить минное заграждение на меридиане Павастерорта.

Между тем, немцы распространялись по Эзелю и ими был взят оставленный русскими войсками Аренсбург. Этим пере-

шеек был отрезан от других русских частей, сосредоточившихся, как сказано, к Арисару.

2 октября германские линейные корабли бомбардировали Церель; одновременно их сухопутные части подошли к перешейку. Присланный для поднятия духа защитников и содействия обороне лин. корабль „Гражданин“ мог лишь принять участие в утоплении батарей, дабы они не достались целыми в руки противнику, ибо гарнизоны отказались от борьбы.

2 октября весь Эзель был занят, части сосредоточивались на Арисарской позиции, но не могли противустоять противнику и спешно эвакуировались на Моон. Флот оказывал им поддержку своим огнем, но этого было не достаточно, чтобы сдержать их отход.

На Косарском плесе продолжались стычки миноносцев.

4 октября 2 германских линейных корабля 3-й эскадры, в сопровождении тральщиков и миноносцев, вошли в Рижский залив и подошли к Куйвасто.

После боя у Куйвасто наши морские силы отступили в северную часть Моонзунда, причем лин. кор. „Слава“, получивший повреждение в подводной части и вследствие этого севший носом, не мог пройти фарватера и был оставлен и взорван.

С отходом из южной части Моонзунда нашего флота и снятием людей с Моона, Эзель и Рижский залив перешли в полное обладание немцев.

Между тем, германский десант начал распространяться на Даго. Это лишило возможности задержаться в северной части Моонзунда, вследствие чего, 6 октября к вечеру, заградив Моонзунд минами, русский флот оставил его, перейдя в Лапвик.

Немцы, первоначально предполагавшие форсировать передовую позицию, в последний момент отказались от этого намерения, опасаясь потери судов на минах.

Таким образом, германским флотом в семидневный срок была выполнена без особого труда операция по занятию островов Моонзунда.

Заключение. Балтийский флот русских в начале мировой войны имел скромную задачу: не допустить прорыва неприятельского флота и десанта в глубину Финского залива в течение двух недель со дня объявления мобилизации.

Не смотря на слабость его боевых ресурсов, как в отношении корабельного состава, так и, в особенности, в отношении крепостного оборудования, он был готов оказать максимум сопротивления даже в первые дни войны. Тщательность разработки операции, вполне точные и определенные задачи отрядов, хорошая тактическая подготовка боя на главной позиции, не оставлявшее никаких сомнений, наличие твердой воли и решимости у командующего флотом, адмирала Эссена

соответствующее направление боевых устремлений всего личного состава—давали основания предполагать, что лишь ценой крупных потерь немцы могли бы осуществить прорыв в Финский залив, и что Балтийский флот оправдал бы возлагавшиеся на него надежды.

В дальнейшем, энергичное усиление обороноспособности главной позиции в виде возведения новых батарей и постановок новых мин. заграждений, усиление судового состава флота вновь выстроенными и вступившими в строй кораблями, все совершенствующаяся подготовка эскадры для боя,—в еще большей степени затрудняли противнику выполнение операции прорыва.

Когда вступили в строй „дредноуты“ 1-й бригады линейных кораблей, а затем были закончены 12" и 8" башенные батареи Наргена, Вульфа и Маколото (1916—17 г.), когда была оборудована Передовая позиция—прорыв германского флота в глубину Финского залива уже был сопряжен с риском потери большей части его судового состава, и операция эта со стороны немцев была бы стратегическим абсурдом.

Таким образом, с точки зрения главной задачи, поставленной Балтийскому флоту, он не только выполнил свое назначение, но дал больше, чем от него ожидалось: он позволил убрать первоочередные войска с побережья Финского залива, из Финляндии и с подступов к Петрограду и отправить их на фронт; дал уверенность в безопасности тыла и района столицы, приняв на себя их защиту, и до конца войны лишь упрочивал положение обороны этих направлений.

Но наступление в Финский залив, а тем более прорыв флота с десантом—не входили в намерения германского главного командования. Германский флот был сосредоточен на Северном море против Английского флота. На Балтийском море действовали лишь вспомогательные морские силы, менее всего способные угрожать Финскому заливу. Наоборот, они старались утвердить русских в их предвзятой идее о неизбежности германского десанта, приковать их внимание к Финскому заливу, которому, по существу, никто не угрожал.

Русский план морской кампании не ответил действительности, и русский флот, подобно тому, как и в прошлые войны, был поставлен перед фактом отсутствия сложных идей для новой обстановки, развернувшейся перед ним с того момента, как только начало выясняться отсутствие у немцев намерения предпринимать решительные операции против Финского залива.

Это был снова кризис, тем более опасный, что в предидущих кампаниях он фактически вызывал полный оперативный паралич командования.

До сих пор цель Балтийского флота—защита входа в залив—была ясна, понятна; подготовка его во всех отношениях

освещалась прежде всей этой задачей. Теперь же требовались новые идеи, новые решения.

Если ранее со стороны различных командных инстанций, в том числе и со стороны военно-сухопутного ведомства, эта цель, очевидная сама по себе, встречала признание, то в новой обстановке уже не было столь единодушно признанной и столь же важной другой цели.

На второй-третий месяц войны мы наблюдаем раскол в кругах, направлявших деятельность флота, на почве различного толкования его дальнейших задач. Раскол, в котором вновь начинают выкристаллизовываться две основных точки зрения: одна—закрывающая в себе стремление к активной обороне, т. е. к перенесению операций флота в открытое море, навстречу противнику, другая—идея пассивной, местной обороны, сводящаяся к утверждению первоначальной задачи флота—защите его силами „подступов к столице“—и только. Все носящее активный характер, как сопряженное с риском потери судов и ослабления состава флота, откидывается, как не целесообразное с точки зрения этой главной задачи.

В дальнейшем оба течения вступают между собой как бы в борьбу, но в продолжение всей войны последняя точка зрения получает явное преобладание, и те активные действия в море, которые выполнены флотом, приходится рассматривать как исключение из общего хода оперативной мысли, направляемой прежде всего идеей пассивной, местной обороны.

Из изложения событий войны нам ясны группировки лиц и ступеней командования между той и другой точкой зрения.

Ставка и командование VI армией, которому в первое время войны был подчинен флот, упорно и последовательно стояли на необходимости не выходить за пределы задачи обороны Финского залива, к которой затем (но уже без права использования главных сил) была придана оборона фланговых позиций Або-Аланда и Моонзунда. Им чужды и неясны были перспективы операций в открытом море, тогда как оборона этих районов давала вполне осязаемый результат, страхуя устойчивость общего положения на фронте.

Противоположные тенденции нашли яркого выразителя в лице Н. О. Эссена, который всю свою энергию употребил на то, чтобы вырваться из этих сковывающих уз, лишивших возможности использовать флот в целях активной борьбы в открытом море и у неприятельских берегов.

Но был ли у Эссена вполне определенный план борьбы с противником на море? Преследовал ли он при этом крупные стратегические цели, или же его деятельность явилась следствием просто известного порыва к активности, того порыва, который мы наблюдали и в ранее рассмотренных кампаниях среди отдельных начальников, в том числе и Корнилова?

Несомненно, в начале войны такого плана не было. Пока родился заградительный план 1914 г., прошло несколько месяцев совершенно беспочвенного искания. К этому времени относится ряд выходов в море либо с сомнительными, с точки зрения стратегической целесообразности, намерениями (напр. шведская операция), либо с задачами тактического характера (нападение на дозорные суда противника), либо, наконец, без иной цели, кроме морального воздействия (выход Эссена на „Рюрике“ с „Палладой“). В этот период мы видим, как командующий флотом, не имея никаких стратегических директив, но в то же время сознавая, что обстановка допускает активные действия в море, сам пытается ставить себе задачи, сам ищет приложения остающихся в бездействии сил.

План 1914 года явился завершением и стратегическим оформлением этих активных попыток. Но он не исходил от высшего командования. Наоборот, как видно из истории, Эссену, путем большой борьбы, принимая на себя величайшую ответственность, действуя зачастую наперекор желаниям ставки, удалось, и то частично, настоять на его выполнении. Эта не была цель, поставленная флоту, а это была одна из возможностей, использованных флотом по инициативе его командования.

Совершенно тем же порядком флот пришел к идее расширения его оперативной зоны путем включения в нее передовых районов. Также на самом флоте был выработан грандиозный план оборудования прибрежной обороны, который дал возможность охватить сетью батарей береговую линию от Ботнического залива и до Цереля. Правда, эти начинания не встречали сопротивления со стороны высших инстанций, так как непосредственная защита берегов, не вызывающая никакого риска от флота, была им более близка и понятна. Но все же, и это важно отметить, расширение оперативной зоны не было указано в виде поставленной флоту цели, а явилось следствием использования тех же открывавшихся возможностей.

Таким образом, благодаря исключительной энергии Эссена, но никак не вследствие ставившихся флоту верховным командованием задач, флот в течение 1914 года вышел из того тупика, в котором он оказался вскоре после начала войны, когда план кампании и данные директивы оказались несоответственными действительной обстановке. К этому следует еще прибавить, что основным условием обстановки этого года было отсутствие решительных операций со стороны противника, который всю свою деятельность ограничил лишь демонстративными операциями.

В начале 1915 года Эссен умер—событие, значение которого для Балтийского флота мы отметили. Вместе с тем,

существенно изменилась и обстановка: немцы начали наступление, отбросив нашу армию к Риге.

Флот начинает кампанию операцией сомнительной стратегической ценности (операция 1-й бригады крейсеров) с целью морального воздействия на противника,—операцией, представляющей следующую попытку реализовать имеющийся порыв активности. Затем, силой обстановки все внимание флота приковывается к Рижскому заливу, и для обороны последнего ему даются директивы ставки.

Но операции в Рижском заливе носят пассивно-оборонительный характер. В открытом море флот, попрежнему, не имеет определенной активной задачи от высшего командования. Деятельность его в этом направлении проходит в частных операциях подводных лодок и миноносцев. Наблюдаем попытки оживить план 1914 года, но обстановка тому не благоприятствует, и он выливается в ряд оборонительных заграждений в районе подходов к Рижскому заливу.

В общем, роль флота в этой кампании строго пассивна.

В 1916 году произошла отмеченная нами крупная реформа в организации командования морскими силами, теперь подчиненными ставке непосредственно. Командующему флотом предоставлена „полная мочь“ и дано право пользоваться всеми силами флота для активных целей. Даны все возможности, но не дано—крупной и определенной цели.

Мы вновь застаем командование флотом как бы в тупике, ибо оно не находит задачи для себя. Нет идей. Ставка ждет, что таковые родятся на самом флоте, как то было при Эссене. Она считает, что сделала свое дело (собственно не ставка, а морской штаб ставки), дав командующему средства; она дальнейшего ждет от Канина, который, как и его штаб, не видит перед собой объекта для активных операций. Не видит их и ставка.

Кампания прошла фактически при полном почти бездействии главных сил флота. Канин не оправдал надежд, он слишком поддался тем тенденциям пассивной осторожности, которые систематически „угашали дух“ на флоте в течение предыдущих лет и которые исходили прежде всего из ставки. Причину неиспользования флота увидели не в отсутствии директив флоту, а в недостаточной энергии самого Канина. Его убрали; вместо него назначили известного своей энергией Непенина, который, однако, тоже не мог найти применения главным силам флота, ибо тоже не имел директив и задач.

А между тем, именно в 1916 году была обстановка, при которой флот мог быть использован самым широким и плодотворным для всей войны образом. Мы говорим про несостоявшуюся операцию десанта на Рижское побережье, с кото-

рым одно время связывались надежды отбросить назад левый фланг германского фронта и открыть путь для наступления нашим армиям северного фронта к В. Пруссии. Сухопутный исследователь этих предположений (Н. А. Данилов. „Смешанная операция в Рижском заливе“) указывает на полную готовность флота к осуществлению задуманной операции, на ту действительно большую помощь, которую он мог оказать при этом, и от которой ставка, полагая операцию рискованной и не находя в себе решимости рисковать, отказалась.

Все вышеизложенное убеждает нас в том, что идея активного использования флота была чужда русской стратегии в мировую войну, по крайней мере на Балтийском море. Она не давала флоту определенных задач, не питала военное творчество морского командования практическими идеями. Все, на что она была способна,—это к директивам, обязывающим избегать риска, сковывающим его деятельность лишь условиями местной, чисто пассивной обороны, при которой основные стратегические свойства флота, столь выгодно отличающие его от прибрежных крепостных сооружений, не могли найти себе должного и широкого применения, даже несмотря на обстановку, тому благоприятствовавшую не раз.

В этом смысле кампания на Балтийском море укладывается в той же плоскости, как Русско-Японская и Крымская, отличаясь только тем, что командование флотом, настроенное и склонное к активной деятельности, иногда само находило условия, допускавшие выразить таковую в отдельных, по собственному почину им предпринятых, операциях. Условия, для которых обстановка прошлых войн была неблагоприятна.

Невольно возникает вопрос: почему, когда армия наша напрягала все усилия, страна мобилизовала все средства, чтобы бросить их на борьбу на фронте—для флота не находилось других задач, кроме охраны направления, которому никто не угрожал, и сама возможность решительных операций на котором со стороны противника признавалась, в конце концов, мало реальной?

Может быть, действительно таких задач не было для флота, и тот факт, что их не старались изобретать, чтобы дать флоту возможность „проявить деятельность“, предпочитая довольствоваться использованием его для охраны тыла,—задачи многого не требовавшей, но все же важной—свидетельствовал лишь о благоразумии верховного командования?

Нет. Такие задачи были. Но они располагались в стороне от узко-сухопутного русла, по которому текла наша руководящая стратегическая мысль, уже давно игнорировавшая проблемы морской войны, ограничивавшаяся рамками сухопутных операций, возлагавшая все расчеты исключительно на

армию, для которой флот являлся лишь придатком, назначение коего обычно оставалось неясным.

На некоторые из этих задач мы указали: прекращение морских сообщений Германии со Швецией в пределах Балтийского моря, переброска десанта на Курляндское побережье, борьба с противником на море с целью препятствовать противнику, связанному на Северном море английским флотом, в осуществлении каких бы то ни было операций крупного масштаба; угрожавших безопасности побережья вообще, флангам армии—в особенности, и других операций, связанных с ведением активной обороны вообще.

Но были и другие, гораздо большего масштаба возможности при иной оценке значения морских театров нашей сухопутной стратегией. Они мыслились в области согласования действий нашего и английского флота, в выработке общей идеи морской кампании, которая могла бы не только замкнуть северную часть блокадного кольца Германии, но и открыть перспективы перенесения военных действий на ее прибрежные области.

Возможно, что реальные условия войны не позволили бы осуществить их в столь широких пределах, как это мыслится сейчас, но важно отметить, что со стороны русского верховного командования даже не возникало никаких запросов в этом смысле к английскому адмиралтейству, не было и попыток искать в этом направлении путей для решения задач войны.¹

В Крымской, Русско-Японской и Мировой войнах морские кампании направлялись стратегической мыслью, в которой не было цельного представления об идеях использования флота, и последний каждый раз, как это мы старались доказать, оказывался без руководящих идей.

С другой стороны, опыт этих войн указывает, что тому не было причиной отсутствие морского персонала в числе руководителей войны. Наоборот: ответственным руководителем и главнокомандующим в Крыму в войну 1854—55 г. был Меншиков, который перед этим, несмотря на то, что он не был моряком по образованию, все же почти 20 лет был во главе морского ведомства и его фактическим распорядителем; уже поэтому он не был чужд флоту. В Русско-Японскую войну главнокомандующим был адмирал Алексеев—моряк. В мировую войну морские управления при фронтах, а к концу ее морской штаб верховного главнокомандующего, пользовались большой самостоятельностью и авторитетом в отноше-

---

¹ Ставка несколько раз обращалась к английскому адмиралтейству о содействии английским флотом, но ее пожелания не шли дальше просьб о присылке нескольких подводных лодок или о производстве английским флотом диверсии для отвлечения германских главных сил от Балтийского моря.

нии возможности проводить свои взгляды. Дело было не в том, что моряков не хотели слушать и признавать, а в том, что и они усваивали себе тенденции узко-сухопутной стратегии, подчиняя ей свою мысль.

Два фактора играли в судьбе флота роковую для него роль. С одной стороны, специфически-сухопутный характер стратегии военного ведомства, исключавшей морскую войну из круга своего исследования, а с другой — младенческое состояние стратегии морского ведомства, бедной идеями, жалкой содержанием.

Единой же стратегии, охватывавшей войну во всем ее масштабе, как на сухопутных, так и на морских театрах, не было, как нет ее и по сей день.